

© 1992 г. ЯНИН В. Л.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Исключительная редкость средневековых бытовых текстов в арсенале отечественного источниковедения, казалось бы, должна была бы делать драгоценной в глазах исследователей любую новую находку. В особенности это касается памятников домонгольской поры, в равной степени важных для историков и лингвистов. Между тем лишь берестяные грамоты привлекли к себе такое двойное внимание. Столь же стремительно формирующийся на наших глазах фонд древних эпиграфических памятников, как это ни парадоксально, остается пока вне поля зрения лингвистики, хотя количество одних только киевских надписей, подвижнически выявленных и изданных С. А. Высоцким, превысило 400 [1—3], а изданный А. А. Мединцевой свод граффити новгородского Софийского собора включил свыше 250 текстов [4]. Немалое число надписей публиковалось по мере их обнаружения, а также включалось в различного рода сводки. Инициатива таких публикаций всегда исходила от археологов, искусствоведов и реставраторов — первооткрывателей эпиграфических фактов, но никогда не от лингвистов. Может быть, именно здесь заключена причина лишь одностороннего внимания к этому фонду? Если изучение берестяных грамот почти с самого начала стало совместным предприятием исторической и лингвистической наук, то в чтении и истолковании процарапанных на штукатурке и мелких бытовых предметах надписей участвовали только открывавшие и издававшие их лица, для которых введение в научный оборот обнаруженных при раскопках или реставрационно-архитектурных работах текстов имело, главным образом, практическую цель: проверить средствами палеографии правильность стратиграфической картины, идет ли речь о стратиграфии культурного слоя или стратиграфии храмовых росписей и строительных напластований в сохранившейся граффити церкви.

Транскрипции и истолкования, предлагавшиеся исследователями, которые не имели специальной филологической подготовки, надо думать, вызывают недоверие, а порой и усмешку, — вероятно, во многих случаях вполне заслуженную. Однако сама важность открываемых и издаваемых текстов требует их профессиональной критики и возможного исправления или указания вариантов чтения. Непрофессионализм, как правило, стремится к добыванию вывода и в том случае, когда для этого нет условий. В нашем случае это обычно проявляется в насилии над текстом, легко обнаруживаемом именно средствами лингвистики, коль скоро такое насилие проявляется в пренебрежении законами морфологии и синтаксиса и опирается на предвзятое представление о недостаточной грамотности писавших.

Автор предлагаемых заметок не получил лингвистического образования, но имеет сорокалетний опыт работы с берестяными грамотами и что не менее важно — творческого общения с лингвистами в процессе изучения грамот. Не претендуя поэтому на безошибочность предлагае-

мых поправок к ряду изданных эпиграфических текстов, я более всего хотел бы привлечь к этим памятникам деятельное критическое внимание филологов.

1. К чтению некоторых граффити киевского Софийского собора

Настоящий раздел заметок содержит комментарий к предпринятой С. А. Высоцким публикации киевских граффити. Коль скоро все двадцать случаев представляют собой акты несогласия (порой достаточно резкого) с транскрипциями и толкованиями, предложенными названным исследователем, считаю необходимым, прежде всего, сказать, что считаю трехтомный труд С. А. Высоцкого выдающимся жизненным подвигом ученого.

Нумерация надписей и указанные здесь датировки соответствуют принятым в издании, первый выпуск которого (1966 г.) обозначен цифрой I, второй (1976 г.) — цифрой II, третий (1985 г.) — цифрой III.

№ 23. XII в. (I, с. 59, табл. XXV, XXVI, 1). Чтение С. А. Высоцкого.

съподоби ма грѣшн[а]
г[о] отъче Хвѣда не по
би сноу азъ съ онѣми
чръницами

Его перевод: «Удостой меня, грешного Федора, отче, и не побей снова, я с теми чернецами». Сомнения издателя относятся только ко второй строке, где, по его словам, «...читается „от чех“, т. е. от чехов, но твердой уверенности в таком чтении нет. Возможно, этот фрагмент следует читать как „отче“ или „старче“, но тогда неясно, какое слово начинается на букву Х, быть может, имя Хвод или Хвед (испорченное от „Федор“). Запись представляет обращение к Онуфрию (граффито нацарапано на фреске с изображением св. Онуфрия. — Я. В.), которого вполне можно называть „старче“».

Уже на этом примере хорошо видно, что лингвистическая сторона интереса у С. А. Высоцкого не вызывала, иначе ему пришлось бы разъяснять, почему чтение «не поби» переводится «не побей», почему невероятное «сноу» означает «снова» и почему женский род «чръницами» нужно превращать в мужской — «чернецами», какой смысл заключен во фразе «я с теми чернецами», а также каким образом св. Онуфрий уже побил однажды Хведа.

Прежде всего необходимо проверить предложенные транскрипции. Следы буквы А в слове «грѣшного» обнаруживаются не в конце первой, а в начале второй строки; во второй строке после букв ХВ следует читать не Ъ, а Ь; в третьей строке вторая буква — не И, а Ъ; в той же строке после ОУ имеются следы еще одной буквы, от которой сохранилась мачта и горизонтальная перекладина вправо, что может соответствовать только Ю; наконец, буквы ХВ во второй строке покрыты титлом. Перечисленные поправки позволяют читать граффито иначе:

Съподоби ма грѣшного, отъче Хвѣ, да не побѣсноую азъ съ онѣми чръницами.

Сочетание «отъче Х(ристо)вѣ», разумеется, нет необходимости понимать как «отец Христа»; оно переводится как «старец божий», «угодник божий» и т. п. «Побѣсноую» — от «побѣсити»; по словарю Даля, «посердить, подразнить, постараться вывести из терпения; -ся, посердиться, погневаться неистово» [5, т. III, с. 139]. В записи не идет речь о выполнении какого-то обета, как полагал С. А. Высоцкий, а содержится молит-

ва о даровании писавшему кротости в его отношениях с какими-то раздражавшими его черницами.

№ 46. XII в. (I, с. 91, табл. XLIII, 4; XLIV, 4). Чтение С. А. Высоцкого:

ѣтъи оноу
ѣрие моли
ба милости
ваго за рабоу
свою елену
иб— помощи
и--ъ рабоу
своему фсѣу
порови ам[инь]

Его перевод: «Святой Онуфрий, моли бога милостивого за рабу свою Елену и... помощи... рабу своему Фсыпорови, аминь».

Непрочитанные издателем в шестой и седьмой строках места восстанавливаются не только по смыслу, но и по уцелевшим элементам букв:

и боуди помощь
[н]икъ рабоу

Что касается сверхъестественного Фсыпора, то в действительности буквы С и Ы в конце восьмой строки к рассматриваемой надписи не относятся, а первая буква девятой строки — не П, а Л, что определяет имя писавшего — «Фълоръ». В целом эти поправки позволяют придти к чтению:

С(ва)тъи Оноуѣрие, моли Б(ог)а милостиваго за рабоу свою Елену и боуди помощникъ рабоу своему Фълорови. Ами(нь).

№ 50. XIII в. (I, с. 95). Чтение С. А. Высоцкого:

М(е)с(а)ца ноамбра въ 27 днь
прѣс(та)виса рабъ бѣбжии митрополить Кюрило.

Не имея никаких замечаний к транскрипции и чтению, должен, однако, выразить недоумение по поводу хронологического комментария, предложенного издателем: «Трудно сказать, о каком „Кюриле“ в граффито идет речь, возможно, о Кирилле I, умершем в 1233 г., или о другом киевском митрополите Кирилле II, который, согласно летописи, умер 6 декабря 1281 г. и был похоронен в Софийском соборе в Киеве. Наиболее вероятным было бы думать, что запись на стене собора относится к последнему, но большие расхождения в дне и месяце события, имеющиеся в летописи и рассматриваемом граффито, оставляют вопрос нерешенным».

Совершенно очевидно, что к Кириллу II надпись отношения не имеет, коль скоро он умер 6 декабря, а не 27 ноября. Но в таком случае, поскольку третьего одноименного митрополита не было, она может относиться только к Кириллу I и имеет двоякое значение. Во-первых, она называет календарную дату кончины Кирилла I, не зафиксированную в других источниках. Во-вторых, граффито обретает полную хронологическую определенность, становясь особой драгоценностью для эпиграфики.

Имеются ли какие-нибудь противоречия показанию граффито о смерти Кирилла I именно 27 ноября? Летописный рассказ о его смерти [6, с. 72, 282] содержится в таком хронологическом контексте. 10 июня 1233 г. в Новгороде умер княжич Федор Ярославич, затем новгородцами (очевидно, в память о нем) была заложена церковь св. Феодора на воротах

Детинца. Далее следует сообщение о кончине митрополита Кирилла. Наконец, завершён мартовский годовой рассказ сообщением о конфликте с немцами, начавшемся около «госпожина дня» (15 августа), но завершившемся только к «великому говению», которое в 1234 г. началось 6 марта. Хронологическую вилку в этом рассказе составляют 10 июня 1233 г. и 6 марта 1234 г., между этими датами случилась кончина митрополита — противоречия указанию на 27 ноября нет.

№ 52. 17 февраля 1285 г. (I, с. 96, табл. LI, LII). Чтение С. А. Высоцкого:

въ лѣтѣ \times ѡѡ. $\overline{\text{чг}}$. приста
в[ис]ла рабѣ бжии за
хариа. $\overline{\text{мца}}$ февра
ра [zi] ала на пама
ть стогъ федора ти
рена — в субо[t]у въ
жъновцааш----

Его перевод: «В 6793 (1285) скончался раб божий Захария в месяце феврале в день на память святого Федора Тирена, в субботу...» Цифры в обозначении дня [17] в граффито не сохранились и восстановлены по месяцеслову С. А. Высоцким.

В надписи недочитан конец, который поддается истолкованию исходя из обстоятельств времени указанной в граффито кончины. 17 февраля в 1285 г. действительно приходилось на субботу, но не простую, а на субботу второй недели великого поста, когда совершается поминавание умерших, а завершающая службу этого дня литургия Иоанна Златоуста оканчивается пением «Блажени, яже избрал». Согласно Далю, «блаженными или блаженной памятью поминаются усопшие государи и высшие духовные лица» [5, т. I, с. 95]. В этой связи обращение к фотографии прориси позволяет реконструировать следующее за словом «суботу» место как «бл(а)жънову», полагая, что так могли именовать субботу второй великопостной недели. Следующие в конце надписи буквы читаются как «ааѡ» и, возможно, означают: а а ѡ (аль) ...

№ 63. 1328—1352 гг. (I, с. 102—103, табл. LXI, 1; LXII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

гресцномѡ митрополи $\overline{\text{феогност}}$
всеа роуси мно лѣтѣ

Его перевод: «Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета» имеет несколько пикантный характер из-за неверного прочтения первой буквы, которая, к стати, великолепно видна и на фотографии, и на прориси; нацарапано не Г, а П: пресцном ѡ, т. е. «преосвященному».

№ 67. XIII—XIV вв. (I, с. 105, табл. LV, 3; LVI, 3). Чтение С. А. Высоцкого:

+артемиос
помилуи ма
грѣшника
 $\overline{\text{іѡ}}$: азъ твоа
стих + ра[б]анархиса

Переведены издателем первые три строки: «Артемий, помилуй меня, грешника...» Относительно остальных двух он пишет: «В начале четвертой строки значится $\overline{\text{іѡ}}$ под титлом, что, вероятно, является счетом там

называемых „зачал“ — отрывков, читаемых в церквах. Далее следует отрывок с неясным смыслом: „я твоя святых, раба Нархиса“ (?)».

Разумеется, $\overline{\text{I}\omega}$ никакого отношения к «зачалам» не имеет, а обозначает привычное сокращение имени $\text{I}\omega\text{a}\text{n}\text{n}\text{y}\text{y}$. В последней строке между буквами Х и Р нацарапано $\overline{\text{H}}$, а не крест, как в транскрипции издателя. «Восстановленная» же им Б является лишь логически исходящей из его осмысления надписи конъектурой: на прориси С. А. Высоцкого эта деформированная буква ближе всего к П. Предлагаемое чтение конца надписи: $\text{A}\overline{\text{z}}\text{ь твоя стихѣра панархиса, т. е. я — твоя песнь всемогущая. № 68 (I, с. 105, табл. LXIII, LXIV). В верхней части надписи XIII—XIV вв. «...прочерчена более ранняя монограмма в виде креста под титлом, с буквами А, К, С, Ж, значение которых определить не удалось. Указанные буквы расположены в следующем порядке: в верхней части по сторонам вертикали креста А — С, в нижней части по сторонам той же вертикали К — Ж. Наиболее вероятно их значение: А се крестъ животворящий.$

№ 107. XI в. (II, с. 32, табл. XIV). Чтение С. А. Высоцкого:

—а ги вседержителѣ, избави — или ма владыко мжы

Его перевод: «А господи, вседержитель, избавь, владыко, меня, Илью (?), муки...», в связи с чем и граффито названо «записью Ильи». Между тем в промежутке, обозначенном издателем прочерком (между «избави» и «или»), на фотографии ясно читается буква Ш, что дает следующую транскрипцию:

А, Г(оспод)и Вседержителѣ, избавиши ли ма. владыко. мжы.

№ 108. XI в. (II, с. 32—33, табл. XV). Транскрипция С. А. Высоцкого:

мати не хотачи дѣтича бѣжа гетѣ
бѣ же не хота челоѣка бѣдами кажетѣ
--ромѣи стоуаи въ своего чиноу въ сѣм ѣ гѣхомъ |а| въ
--чѣ боудеть |а|минь

Указав на затруднительность чтения и понимания надписи, издатель все же высказал предположение, что ее можно переводить так: «Мать, не желая ребенка, бежала прочь; бог же, не желая человеку бед, указывает святому своего чина Ромои(?) на этот грех и тот, который будет». «По содержанию, — пишет он, — запись — какое-то поучение женщинам, бросающим своих детей... В записи, сделанной по памяти, есть несогласованность падежей, пропуски букв (конечных Ъ в словах „гет“, „кажет“) или лишние буквы („своего“) и т. д. ...Что касается слова „гет“, то оно не зафиксировано в словаре И. И. Срезневского. Из содержания записи выходит, что „гет“ означает „прочь“. В этом значении слово „гет“ употребляется в современном украинском языке».

По-видимому, нет нужды подробно разбирать этот пассаж. Следует просто заново прочесть граффито, отметив, что в начале третьей строки читается инициальная буква Х; в той же строке между У и И нацарапано П, а не А, а показанная в квадратных скобках в конце той же строки А в действительности является буквой С или О. В последней строке написано «боудеть», а не «боудеть».

С учетом этих поправок надпись делится на слова так:

мати не хотачи дѣтича бѣжагет
бѣ же не хота челоѣка бѣдами кажет
Хромъ истоупивъ своего чиноу въсѣмѣ гѣхомъ свѣ
ечъ боудеть аминь

Первую половину записи А. А. Зализняк, к которому я обратился за консультацией, переводит следующим образом: «Мать, (даже) не ставя себе такой цели, дитя воспитывает. Бог же, (даже) не ставя себе такой цели, человека бедами наставляет». Этот текст находит полную аналогию в 71-м слове Изречений Исихия и Варнавы, изданных по рукописям XIV—XVI вв.: «Мати, не хотящи, детища болна бѣжаеть; тако бог, и не хотя, человека грѣшна печалыи кажеть (и) казнми» [7].

Во второй половине там, где я прочел слово «свѣчь», А. А. Зализняк настаивает на чтении «объчь». В любом случае перевод остается неизменным: «Хромой, вышедши из своего состояния, всем грехам приобщен будет». В моем варианте — «всем грехам свойственник будет». Источник этого изречения обнаружить не удалось, но для понимания заключенной в нем идеи небесполезно вспомнить одну из формул церковного устава князя Владимира: «А се церковныѣ люди: игоумень, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, попадия и кто въ клиросѣ, игоуменья, чернець, черница, проскурница, паломникъ, лѣчещъ, прощеникъ, задумьный человекъ, сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ» [8]. Состоянием хромого, таким образом, была принадлежность к церковным людям, оберегающая его от греха.

Что касается «лишних» букв в словах «бѣжагет» и «своего», то здесь мы, несомненно, имеем дело с обозначением иотации, подобным тому как на знаменитой черниговской золотой гривне в слове «Василию» иотация последнего звука выражена буквами ГЖ.

№ 120. XII в. (II, с. 42, табл. XXVI, XXVII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

пищанъ ѡла въд
въ дыжъ ходивъ
выожченикомъ

Его перевод: «Пищан писал, к дьякам ходил выучеником» игнорирует наличие последних трех букв в первой строке. Правомернее читать:

Пищанъ ѡла въд(о)въ дыжъ, ходивъ выожченикомъ,

т. е.: «Пищан писал, вдовый дьяк, ходил выучеником».

№ 124. XII в. (II, с. 45—46, табл. XXX, XXXI, 2). Чтение Б. А. Рыбакова, поддержанное С. А. Высоцким:

хо хо хо
крѣлоша
ниинѣ свати
і богороди
ци

В переводе: «Хо-хо-хо, клирошанин святой Богородицы». «Междометие „хо-хо“, — писал Б. А. Рыбаков, — и удвоение гласных как бы имитирующее растягивание гласных при пении, явно указывают на такой случай, когда в Софийском соборе пели клирошане „Святой богородицы“, т. е. Десятиной церкви, а местные софийские клирошане чертили на стене насмешливые надписи по их адресу» [9, с. 64].

Такое истолкование рисует очень живую картину быта средневековых киевских клирошан, однако в граффито на самом деле нет никаких междометий, а без особых затруднений читается имя или прозвище: Хохоль.

№ 135. XII в. (II, с. 52, табл. XLIII, XLIV). Чтение С. А. Высоцкого:

гѣ помози рабу
своему козмѣ грѣшнѣному
прозвутероу и прости ма

владыко грѣхъ моихъ мнози
 бо соуть и съц[о]доб поулоучити
 мѣста отъ тебе соу[д]и пров
 [д]ны въ дна соудьнѣ

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Кузьме, грешному пресвитеру, и прости мне, владыка, грехи мои многие, потому что есть, и удостой получить милость от тебя — судьи, проводи в день судный».

Если чтение и перевод первых строк не вызывают замечаний, то вторая часть заставляет недоумевать, на какой язык сделан перевод, настолько он невразумителен. Само это обстоятельство требует проверки предложенной транскрипции.

В четвертой строке в слове «моихъ» вторая буква переправлена из А на О, что не было учтено издателем. В пятой строке нет нелепого «поулоучити», а есть безоговорочно читаемое и на фотографии, и на прориси «и оулоучити». «Улучити» — то же, что и «получити» (ср. в Ефр. Кормч.: «Или правьдѣнаго, аще просѣть, оулоучать, или неправьдѣна, да ѡхотѣть» — см. «Материалы...» Срезневского [10, т. 3, стлб. 1199]. В конце предпоследней строки процарапано «авъ», а не «овѣ», а в начале последней «дна», а не «дны».

Все это позволяет транскрибировать последние четыре строки графито следующим образом:

владыко грѣхъ моихъ мнози
 бо соуть и съц[о]добн оулоучити
 мѣста отъ тебе соу[д]и правь
 дна въ дна соудьнѣ

Перевод всей надписи: «Господи, помоги рабу своему Козме, грешному священнику, и прости мне, владыка, грехи мои, ибо их много. И удостой получить милость от тебя, судьи праведного, в день судный».

№ 144. XII в. (II, с. 57, табл. LI, 3; LII, 3). Графито, прочитанное как

мо
 жч
 га
 лта.

С. А. Высоцкий неправомерно присоединил к расположенному ниже его в качестве якобы окончания последнего и предположил наличие в благопожелательной, обращенной к Богу, формуле небывалого имени «Чгалтъ». В действительности это вполне самостоятельная надпись, читаемая как

мѣ
 но
 га
 лта.

т. е.: многа лѣта.

№ 146. XII в. (II, с. 58, табл. LIII). Чтение С. А. Высоцкого:

[гѣ] пом[о]з[и] рабѣ свѣмѣ игнатѣви а
 прѣзвѣщѣмѣи ма сѣтѣть а гѣ нѣ бѣюса съмь(р)ти
 (----)кѣтр-----дша мѣа [дѣнѣ сѣдѣнагѣ дѣша
 мѣа рикаюци

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Игнатию, а прозвищем Саеатат; господи, не побоюсь смерти ... душа моя, (ожидая) дня судного, душа моя стонет».

Граффито осталось недочитанным, хотя затруднившее издателя начало второй строки особых сложностей не содержит и, между прочим, детально воспроизведено на опубликованной самим С. А. Высоцким прописи: здесь безусловно читается слово «т^рпѣщеть(ъ)», а предшествующее этому слову дефектное начало строки выглядит как «т—къ», что в контексте записи как будто может претендовать лишь на конъектуру «т(оли)къ»:

А. г(оспод)и. нѣ бѣюса съмь(р)ти. т(оли)къ
т^рпѣщеть д(у)ша мѣа днь сѣдѣнагъ,
дѣша мѣа рикающѣ.

Более сложным представляется чтение туманного места в первой строке, касающегося прозвища Игнатия. Предложенное издателем имя «Саеатат» совершенно фантастично, тем более что группа предшествующих ему знаков никем образом не разъяснена. Это действительно невероятно трудное место, версию прочтения которого я попытаюсь обосновать.

Здесь выделяется важная для понимания последующего текста форма «пръзвѣщѣми», которая указывает на наличие у Игнатия не одного прозвища. Следующая группа знаков — сложная лигатура АНИМА, в которой соединены первые четыре буквы: . Далее следует знак, трактованный издателем как С, однако он не имеет должной изогнутости, чтобы быть этой буквой, и читается скорее как І. Наконец, Е в предположенном С. А. Высоцким слове «Саеататъ» не безусловно; это может быть и С. В таком случае возникает следующая транскрипция:

а пръзвѣщѣми Анима І Астатъ

Оба реконструируемые прозвища находят этимологическую греческую опору: «Анима» (от *ἀνέμητος*) — пустой, ничтожный, «Астатъ» (от *ἀστέτης*) — шаткий, неустойчивый.

№ 175. XIII—XIV вв. (II, с. 78). Непонятно, почему выражение «бѣсомъ тѣ творю», имеющееся в этом граффито, С. А. Высоцкий переводит как «(и), бесом уязвленный, делаю». Творить кого-либо бесом значит «считать его бесом» (см. [10, т. 3, стлб. 934—937]). Автор записи какое-то второе лицо («та») называет бесом.

№ 198. XIII—XIV вв. (II, с. 91, табл. ХСII, ХСIII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

гѣ помози рабоу св
бемоу яносоу свѣта
а союзи на морѣю
и на ноу

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Яносу, святая София, на мор и на новый урожай» с пояснением: «Наряду с морем автор надписи упоминает „ноу“». И. И. Срезневский это слово объясняет так: „ноу, повѣ“, — новые, первые плоды. „Днѣ повѣ“ — праздник новых плодов». Таким образом, автор просит, чтобы бог помог ему на случай болезни и послал хороший урожай». Мне не удалось отыскать в Материалах Срезневского (равно как и в других словарях) слова «ноу» в указанном С. А. Высоцким значении. Впрочем, в этом нет и особой необходимости, поскольку в действительности последнее слово рассматриваемого граффито читается совершенно иначе, а именно: «намоуринаноу». Глагол «намоуривати» имеется в древнерусских лексиконах. Им переводится греческий глагол *ἐπιπολάω*, одно из производных которого — *ἐπιπολάσι*:

означает «обыкновенный, простой, заурядный». В духе христианского самоуничтожения это слово в контексте граффито следует переводить «ничтожному». Надо отметить также, что в слове «Соѣти» знак после Ѧ различим на фотографии: это не Ю, а Ъ.

№ 199. XIII—XIV вв. (II, с. 92). В надписи «Г(оспод)и, помози рабоу своему Костѣтиноу Станамириноу» С. А. Высоцкий трактует последнее слово как мирское имя или прозвище автора граффито. Притяжательная форма говорит, однако, об отчестве. Человек с таким именем и отчеством известен: под 1311 г. в Новгородской I летописи упомянут Костянтин Ильин сын Станимирович, погибший во время похода «за море» на емь под предводительством брянского князя Дмитрия Романовича. Отца Костянтина — Станимира — в крещении звали Илией. Неясно, был ли Костянтин Станимирович новгородцем или воином из дружины южного князя.

№ 229. XV—XVII вв. (II, с. 109—110, табл. CXXI, CXXII. 1). Чтение С. А. Высоцкого:

ω сватаа софѣе призьри по
мани прѣсѣсти пом[а]ни и
помилон---оат---иоогоу
же про[б]и тлеть

Его перевод: «О, святая София, призири, помани и помилуй ... отсрочь же одряхлеть» со следующим пояснением: «Слово „проби“ в четвертой строке, которое также читается недостаточно уверенно, по-видимому, происходит от глагола „пробава“ — откладывание, отсрочка. Далее идет слово „тлеть“ (тут, наверное, ошибка — „тлѣть“) — ослабеть, одряхлеть». Подобно тому, как слово «пробава» не является глаголом, глагол «тлѣти» отнюдь не имеет тех значений, какие ему приписаны С. А. Высоцким. По всей вероятности, издателю правильнее было бы признаться, что конец надписи ему прочесть не удалось, так как все предложенное в качестве перевода слишком отдает натяжками и насилием над текстом. Между тем вся эта часть надписи читается вполне удовлетворительно:

[и]с братьеи того иже прочитають

В целом граффито читается следующим образом:

ω сватаа Софѣе, призьри, помани, прѣсѣсти
помани и помилон [и]с братеи того, иже
почитають.

№ 236. XIII—XIV вв. (II, с. 112, табл. CXXV, CXXVI). Чтение С. А. Высоцкого:

мѣца марта въ 4. на па
мат сѣго павла и оулькны
пристависа рабъ бѣ акимъ
---мисмѣпѣюи иерѣи сѣотъ
софѣѣ

Его перевод: «Месяца марта в 4-е на память святого Павла и Ульяны скончался раб божий Яким ... иерей святой Софии». Издатель отметил: «Первая половина четвертой строки до слова „иерей“ непонятна. Возможно, это приписка на греческом языке, сделанная кирилловскими буквами». Не очень ясно, чем кирилловские буквы могут здесь отличаться от греческих. Впрочем, это не столь важно, так как конец надписи чита-

ется по-русски:

а псалъ Пє[r]ѣилии иєртѣ стотъ Софѣт.

№ 307. XII в. (III, с. 25—31, табл. IX, X). Чтение С. А. Высоцкого:

володимираа
[с]е была многопечална[а?]
а[и]дрѣва снѣха ольгова [с]
е[с]тра и игорева и всев[о]
ложд напсалъ [в]аник
о попъ члвєко влдк[и]
[р]абатьб---

Его перевод: «Се была (в Софии. — В. С.) многопечальная Андреева сноха, Олега сестра и Игоря и Всеволода. Написал Ванко (Иванко?) — поп человек владыки...»

Издатель убедительно идентифицировал главный персонаж надписи — «многопечальную» женщину. Это несомненная дочь черниговского князя Святослава Ольговича и жена князя Владимира Андреевича, внука Владимира Мономаха. Вполне вероятно, что граффито связано с кончиной князя Владимира, умершего в 1169 г. и похороненного в киевском Андреевском монастыре.

Вызывает решительное возражение чтение заключительной части граффито, в частности, сочетание «человек владыки», которое может быть переведено лишь как «слуга владыки», что вряд ли применимо к попу. В действительности здесь читается совершенно иной текст:

... всев[о]
ложд на пр[а]з[д]ѣник[ъ]
а попъ ѡдъ с[а]вѣтъ
[б]о[г]ать гр[ѣхы]

Самоуничижительное «богатый грехом» имеется в киевских надписях № 24, 33, 196, 279. Сокращение «Савѣтъ» вместо «Савельтъ» следует сравнить с написанием «о Савлид» в новгородской берестяной грамоте № 272.

2. Надпись на шиферном пряслице из Любеча

В 1957 г. при раскопках Любеча было обнаружено небольшое (16 мм в диаметре) шиферное пряслице с надписью, заполняющей всю его нижнюю грань и переходящей затем на верхнюю. В первоначальной публикации руководитель раскопок Б. А. Рыбаков определял дату этого предмета следующим образом: «Палеографически надпись датируется концом XI в. — началом XII в.; это подтверждает и датировку стратиграфическую»: пряслице найдено «... в уцелевшем углу землянки, перерезанной большой клетью и, следовательно, относящейся к более раннему времени, чем 1147 г., когда погибла сама клеть, уничтожившая большую часть землянки» [11, с. 33]. «Характерную особенность стратиграфии замка, — писал Б. А. Рыбаков, — составляет слой пожара XII в., единственный во всей свите прослоек; это дает возможность сопоставить его с сожжением Любеча в 1147 г. Ростиславом. Слой пожара встречен и на основном раскопе, и на въезде, и в траншее, разрезавшей городни замковых стен» [11, с. 30].

Сомнительной представляется мысль о том, что деревянный Любеч на протяжении многих десятилетий горел только один раз, однако и с пожаром 1147 г. нет должной ясности. Б. А. Рыбаков ссылается на обращенную в указанном году к князю Изяславу Мстиславичу речь посла его

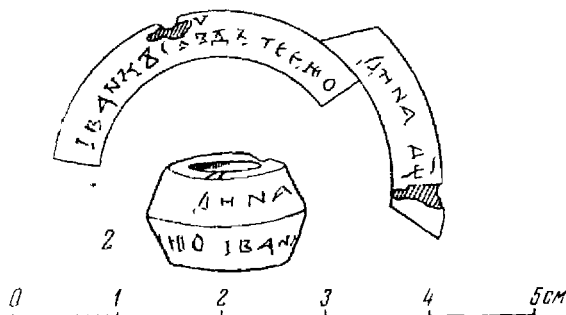

Рис. 1. Праслице из Любеча

брата Ростислава: «брат ти молвить — сожди мене, язъ ти есмь сде Любець пожегль и много воевалъ и зла есмь Ольговичемъ много створиль» [12, стлб. 356—357] и на летописное свидетельство 1159 г., числящее Любеч среди пустых черниговских городов, в которых сидят лишь псарь и половцы [12, стлб. 500]. Из сопоставления этих двух свидетельств как будто следует, что в 1147 г. Любеч был настолько основательно выжжен, что с тех пор надолго запустел. Однако такому заключению противоречат события следующего года. В 1148 г. во время осады Чернигова Изяслав Мстиславич выжигает черниговскую округу до Любеча, о чем черниговские князья сообщают Юрию Владимировичу Долгорукому: «тоу села наши пожгли оли до Любча и всю жизнь нашу повоевали». За опустошением округи последовали снятие осады с Чернигова и поход Изяслава к Любечу: «нача Изяславъ молвити — се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю, и они к намъ не выидоуть, а поидемъ к Любчю, идеже их есть вся жизнь». Черниговские князья в Любече выдержали нападение, «заложившися» Днепром, на котором после сильного дождя начался разлив с ледоходом [12, стлб. 361—363]. Любеч, следовательно, в 1148 г. отнюдь не был пожарищем, а это заставляет более внимательно присмотреться к сообщению 1159 г.

В Ипатьевской летописи оно имеет следующий вид. Князь Святослав Ольгович, получивший Чернигов по договору с Изяславом в 1158 г., сетует, что ему достался лишь «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ Моравинскъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь, а въ нѣхъ сѣдять псареве же и Половци». В Хлебниковском и Погодинском списках той же летописи союз «и» отсутствует: «псареве же Половци» [12, стлб. 500], что свидетельствует, по крайней мере, о неясности текста. Более исправный вид сохранился в Московском своде конца XV в. и в Воскресенской летописи: «Черниговъ съ семью городовъ пустыхъ, Моравинскъ, Любеч, Оргище, Всеволожь, а в нихъ сѣдять псареве, и то же Половци выпустошили» [13, 14]. Иными словами, разорение черниговских городов, в том числе и Любеча, связано не с событиями 1147 г., а с действиями половцев в несколько более позднее время. Но в это позднее время, т. е. в конце 40-х и в 50-х гг. XII в., половцы пребывали на Черниговщине как сила, союзная Ольговичам в их борьбе с Мстиславичами. Думать, что они выжигали города, служившие опорными пунктами для них самих, было бы по меньшей мере странным. Скорее следует догадываться, что «выпустошили» половцы черниговские города непосильными военными поборами, вынудившими их население разбежаться¹. Таким образом, дата уничтожения любечского замка представляется необоснованной и остается невыясненной.

¹ Наличие в «пустых» городах псарей говорит о существовании в них служб княжеского охотничьего хозяйства и, следовательно, о возможности приема и размещения в них князя и его дружины.

Предложенная первоначально датировка пряслица, как это очевидно, отталкивается от гипотетической гибели замка в 1147 г.: если комплекс перекрывающих землянку построек сторел в середине XII в., то сама землянка, в которой найден пряслице, естественно, относится к более раннему времени, нежели возведение этих построек, — примерно к рубежу XI—XII вв. Позднее исследователь пересмотрел датировку пряслица: «Пряслице стратиграфически датируется серединой или третьей четвертью XI в., когда на месте будущего княжеского замка Мономаха (1078—1096 гг.) существовали ремесленные мастерские» [9, с. 54]. Отнесение комплекса перекрывающих землянку построек к строительству князя Владимира Всеволодовича обосновывается так: «Сочетание археологических и исторических данных позволяет считать строителем города и замка XI в. черниговского князя Владимира Мономаха (1078—1094 гг.)» [15, с. 23]; см. также [16]). Подобная аргументация явно недостаточна. Каких-либо данных письменных источников о строительстве Мономаха в Любече не существует. В опубликованных же материалах о раскопках в Любече обнаружить доводы в пользу того, что комплекс реконструированного исследователем замка построен в последней трети XI в., а, например, не во второй четверти XII в., мне не удалось.

Б. А. Рыбаков предложил транскрипцию надписи и ее перевод: «Троительной илтимностью веет от надписи на крошечном детском пряслице:

(ванкъ създъ теѣ ю одина дщ(ерь),

г. е., «Иванко сделал это тебе, единственная дочь» [11, с. 34; 9, с. 54].

Такое чтение было поддержано А. А. Медынцевой, принявшей и датировку предмета серединой — третьей четвертью XI в. Б. А. Рыбаков палеографического анализа не предпринимал, ограничившись уже цитированной выше декларацией. А. А. Медынцева отмечает: «Палеографическая дата не противоречит такой датировке, хотя наблюдение затрудняет микроскопический размер букв (1,5—2 мм в высоту). Можно отметить остроугольное „А“ с довольно длинным „хвостом“, „N“ в виде латинского, петли „Ъ“ треугольные» [17, с. 224]. Любому историку, даже поверхностно знакомому с палеографией, очевидно, что указанные признаки не имеют локально-хронологического характера, а присущи начеркам всего домонгольского времени. Следовательно, принятая Б. А. Рыбаковым дата пряслица и после палеографического комментария А. А. Медынцевой продолжает целиком основываться на общих соображениях о времени строительства в Любече замкового комплекса. Между тем предложенное Б. А. Рыбаковым чтение содержит решительное противоречие датировке надписи XI в. Для этого столетия закономерны формы «Иванъкъ», «съзъ-далъ», переход к написанию *-нк-*, *-зд-* относится уже к XII в.

В предложенном Б. А. Рыбаковым чтении А. А. Медынцева, в отличие от первоиздателя, отметила некоторые несообразности и попыталась дать им объяснение, не выдвигая иных версий прочтения. Первая из этих несообразностей — смешение древнерусских и старославянских форм: «Хотя надпись начерчена с пропуском букв, но показывает не только грамотность, но и известную образованность автора: употреблена старославянская форма „дщерь“ вместо древнерусской „дочь“, используются титла». Справедливости ради следует отметить, что речь в данном случае идет скорее об образованности первоиздателя надписи, поскольку слово «дщерь» является конъектурой, результатом исследовательской реконструкции дефектного места надписи. Смущает А. А. Медынцеву чтение *ъ* в конце первого слова как *О*, невозможное для XI в.: «Скорее всего, ими нужно читать не „Иванко“, а „Иванкъ“ — с *ъ* на конце, как и должно быть для столь раннего времени». Явно ошибочно написание слова *тее*: опущена *Б*, вместо конечного *дята* написано *Е*. Здесь

также требуется дополнительное уточнение: «тебѣ» является церковнославянской формой, в древнерусском следовало бы «тобѣ». Свои недоумения исследовательница высказала и по поводу слова «ю»: «„Ю“ — вин. пад. ж. р. указательного местоимения — я, т. е. нужно переводить — ее. Эта форма говорит о том, что слово „прясльнь“ иногда имело форму женского рода: может быть, пряслица? Таким образом, надпись читается так: Иванк сделал тебе ее, единственная дочь» [17, с. 224].

Число сомнений можно увеличить. Сокращение (титлование) слов всегда производилось в соответствии с определенными правилами: предположенное в рассматриваемой транскрипции сокращение «сѣздль» беспрецедентно. Обращение к древним текстам показывает, что слово «сѣзда-ль» имело отнюдь не бытовой оттенок. По-видимому, и Б. А. Рыбаков, и А. А. Медынцева это хорошо чувствовали, заменяя указанный глагол в своем чтении бытовым «сделал». Указательное местоимение «ю» могло быть употреблено в том случае, если бы в предыдущем тексте был назван объект, на который оно указывает; поскольку такого текста нет и не было, здесь более уместным кажется местоимение «се», «сь». Кроме того, конструкция фразы требовала бы в рассматриваемом случае иного порядка слов: «ю тобѣ». С дат. пад. «тобѣ» согласуется скорее дат. же «одиной», а не зват. или им. «одина»².

Такое обилие противоречий и сомнений заставляет заподозрить неверность существующих транскрипции и прочтения надписи, что требует более внимательного обращения к палеографическим деталям. В результате сопоставления опубликованной прориси и фотографии³ пряслица выясняется, что три элемента транскрипции нуждаются в безусловном исправлении. 1) В надписи имеется только одно титло — над последним словом; значок, воспроизведенный в прориси в виде латинского и воспринятый в транскрипции Б. А. Рыбакова как знак сокращения слова или выносная буква, в действительности компонентом надписи не является, не имея аналогий в способах древнерусского письма. 2) Вызывает сомнение толкование последнего читаемого знака надписи как Щ: длинный и извилистый «хвостик» настолько утрирован, что представляется случайным элементом, царапиной, а буква может быть транскрибирована не как Щ, а как Ш. Следующая за ней выщербина могла уничтожить не более одной буквы. 3) Наконец, — и это самое важное, — в слове, прочитанном Б. А. Рыбаковым как «сѣзд(а)ль», нет буквы З, никогда не имевшей подобной формы, а то, что в этом месте надписи имеется, — не З, а несомненное В, абсолютно такое же, как в слове «Иванкъ». С учетом этих замечаний надпись пряслица транскрибируется однозначно:

Иванкъ с Ѡвдѣтеею одина Ѡш[а]

т. е. «Иванко с Овдотьей — одна душа» (ср.: *Муж да жена одна душа* [5, т. 1, с. 504]). Надпись не лишена «трогательной интимности», но совершенно свободна от каких-либо лингвистических противоречий. Противоречие здесь лишь одно — с предложенной издателем второй — «уточненной» — датировкой. Для XI в. были бы закономерны написания «Иванъко», «Овѣдотьей»; в надписи пряслица наблюдается падение Ъ, присущее уже XII в.

Однако если пряслице не относится к XI в., то и перекрывающая землянку (в которой оно было найдено) клеть не может датироваться временем черниговского княжения Владимира Мономаха. Если же эта клеть одновременно дворцовому комплексу Любеча, то возникают существенные

² Так, кстати, в одной из публикаций переводит Б. А. Рыбаков: «Иванко сделал это тебе единственной дочери» [15, с. 23].

³ Выражает признательность А. А. Медынцевой за предоставление этой фотографии

сомнения в предложенной атрибуции этого комплекса: он должен относиться ко времени, недалеко отстоящему от середины XII в., а его создание следует связывать не с Мономахом, а с деятельностью Ольговичей.

3. К чтению граффити из церкви Федора Стратилата в Новгороде

В 1968 г. А. А. Мединцева опубликовала шесть граффити из числа множества надписей, процарапанных на стенах новгородской церкви Федора Стратилата на Ручью [18, с. 440—450]. Эта церковь была построена в 1361 г. [6, с. 367] и расписана фресками в 80—90-х гг. XIV в. (но не позднее 1396 г.) [19], чем определяется и нижняя дата граффити. Почти все изданные надписи фрагментарны, а следовательно, и трудны для однозначного прочтения и истолкования. Однако в некоторых случаях предложенные издателем транскрипции и их толкования содержат очевидные ошибки, нуждающиеся в исправлении. Остановлюсь на двух таких случаях.

Надпись № 3, расположенная на западной стене, на высоте около 210 см от уровня хор. В транскрипции А. А. Мединцевой надпись выглядит следующим образом:

а оу пр|е|ди
стои [х|оут|ъ]
двацать
а то о|проци
о еллен
колк[ѣ] и свѣць
золоты сорокъ
и двѣ

Предложенный исследовательницей перевод надписи: «А у Пречистой хуст двадцать, а то помимо прочих; елея несколько и свечей золотых сорок и две». Следует также привести ее комментарий к чтению: «В начале слов употреблено так называемое *о очное* — с точкой внутри. Прецистои — пречистой — имеется в виду Богородица. Хоуть — очевидно, пропущено *с* перед *т*, — следует читать хустъ. Хуста — платок, плат. Опроци — опрочи, опрочь — кроме, исключая; еллен — должно быть, елен; буквы *л* и *и* удвоены по ошибке. Колкѣ — кольцо — сколько; околкѣ — означает приблизительное число — несколько» [18, с. 445—446].

Не говоря уже о допущении ряда ошибок писавшего, перевод вызывает определенные недоумения. Очевидно, что речь в тексте действительно идет о каких-то пожертвованиях богородичной иконе. Но зачем иконе двадцать платков, да и «то помимо прочих»? Почему употреблен термин хуста, известный лишь в южных и западных русских диалектах [5, т. IV, с. 569], а в средневековых источниках отмеченный только однажды в грамоте Витовта литовским евреям 1388 г. [10, т. 3, стлб. 1424]. Что такое «елея несколько»? Что значит «золотые свечи»? Неумение отметить на эти вопросы заставило обратиться заново к граффито: такое обращение не осталось безрезультатным.

Прежде всего выяснилось, что граффито включает не одну, а две надписи. Сначала было написано:

свѣць
сорокъ
и двѣ

Окончание второй, более пространной, надписи выполнено с учетом уже занятого первой надписью места. Строки этого окончания и первой надписи находятся на заметно различающихся уровнях.

Во второй строке второй надписи нет слова «хоуть», а имеется слово «хрусть», которое встретилось в новгородской берестяной грамоте № 500

XIV в. в значении «хрусталь» («ожерелье ... другое съ хроустаю») [20] ⁴. Написание этого слова через У, а не через ОУ, как в предлоге первой строки, для рассматриваемого времени закономерно: ОУ писали в начале слов, У — после согласной [21]. В четвертой строке в слове «копроци» начальное О не очное, а простое. Наиболее сложной является пятая строка, в которой четвертая буква читается как Е, а не Л, а шестая, по-видимому, как ЦЕ, а не И: «елеецен». Наконец, отметив наличие букв МЫ в начале восьмой строки, А. А. Медынцева отвергает их принадлежность к анализируемой надписи. Между тем они написаны тем же почерком и тем же инструментом, но читаются не как МЫ, а как [—]ЛЫ при утраченной первой букве. Таким образом, вся надпись выглядит иначе, нежели в транскрипции А. А. Медынцевой:

а оу преци
стои хрусть
двацать
а то опроци
Ѡ елееце и
колкѣ и
золоты
[м]алы

Очное О, которым начинается пятая строка, по правилам книжной изысканности могло читаться как ОЧИ [22, 23]. В таком случае загадочное слово этой строки обозначает «очелееце», украшение на иконе вокруг чела Богородицы (ср., например: «У того же образа ожерелье и подъ вѣнцомъ очелеицо жемчужное» [24]). В целом же надпись переводится так: «А у Пречистой 20 хрусталей, а то кроме очельиц, и колток 8 — золотые малые».

Любопытно отметить, что по описи 1617 г. в церкви Федора Стратилата на Ручью среди прочего инвентаря числились «3 цепочки серебряные. 3 золотых угорских. 13 ожерелец и убрусцев и поднизей и очелников жемчужных. Колтки золотые да 7 колтки серебряны. 11 серег серебряных с камышки и з жемчюги» [25]. Как это видно из граффито, хрустали у богородичной иконы имелись не только в ожерелье, но и на очельицах.

Надпись № 4, расположенная рядом с предыдущей, несколько ниже ее (на высоте 175 см). От нее сохранилась только левая часть, правая же полностью утрачена вместе со штукатуркою.

Транскрипция А. А. Медынцевой:

в лѣ. S. [ц] дѣти п[о]л[о]ст[а]----
чифоровичъ мѣдѣ----
мать стѣхѣ мѣни----
в лѣ. S. ц.[д]е т[е]ле [г]----
со[т]ини

В надписи много неясностей, непреодоленных в публикации. Попытка уточнения транскрипции оказалась успешной только в одном месте надписи, давая возможность возразить ее издателю в предложенной им атрибуции упомянутой в тексте личности. О ней нам достоверно известно, что человек, названный в граффито, носил отчество Онцифорович. Прочитав последнюю строку текста как «сотии» и трактуя это слово как «соцкий», А. А. Медынцева выдвинула предположение, что в надписи речь идет о сыне посадника Онцифора Лукиничя Максима, который, согласно пока-

⁴ Отмечу, однако, что грамота № 500 была найдена четырьмя годами позднее публикации А. А. Медынцевой.

заниям новгородской берестяной грамоты № 279 [26], был соцким. Исследовательница обратила внимание на то, что самая поздняя из грамот Максима (№ 177) найдена в слоях 1369—1396 гг., что позволило ей высказать предположение о его смерти в 1396 г. и фиксации именно этого обстоятельства в граффито Федоровской церкви [18, с. 448—449]. Эта версия уже подхвачена в литературе [19, с. 46, примеч. 139], однако вряд ли может считаться заслуживающей доверия.

Потомки Онцифора Лукиничя жили в Неревском конце, на Козмодемьянской и Разваже улицах [27], и отмечать кончину кого-либо из них в приходской церкви Плотницкого конца было бы по меньшей мере странным. Однако важнее другое обстоятельство: в граффито вовсе нет слова «сотии», а имеется слово «божии». Специфическая форма написания Ж в виде треножника имеет аналогии в берестяных грамотах № 42 (конца XIV в.), 242 и 578 (обе начала XV в.), а Б — в грамоте № 301 (первой трети XV в.) [23, с. 43 (№ 42); 26, с. 64 (№ 242), с. 132 (№ 301); 21, с. 42 (№ 578)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
2. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
3. *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985.
4. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. СПб., М., 1880—1882.
6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
7. Изречения Исихия и Варнавы // Памятники древней письменности. Вып. 92. СПб., 1892. С. 16.
8. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 24.
9. *Рыбаков Б. А.* Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.
10. *Срезаневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912.
11. *Рыбаков Б. А.* Раскопки в Любече в 1957 г. // Кратк. сообщ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 79. М., 1960.
12. Полное собрание русских летописей. 2-е изд., Т. 2. СПб., 1908.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949. С. 65.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб., 1856. С. 69.
15. *Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // Кратк. сообщ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 99. М., 1964.
16. *Рыбаков Б. А.* Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь, 1965). М., 1965. С. 36—38.
17. *Медынцева А. А.* Грамотность женщин на Руси XI—XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
18. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне в Русь. М., 1968.
19. *Лифшиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода XIV—XV веков. М., 1987. С. 28.
20. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. М. 93—94.
21. *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 99.
22. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 197.
23. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М. 1954. С. 21, примеч. 1.
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 94.
25. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 74—75.
26. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 105—107.
27. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. Гл. 1. М., 1981.